

“Норд-Ост” стал заложником нашей жизни

10 мая — последний показ мюзикла “Норд-Ост” в Москве. “Вечных проектов не бывает”, — говорит автор и продюсер знаменитого мюзикла. Что ж, таков закон этого жанра. Правда, были еще события октября, но дело не только в них. Стыдно, что ситуацию, возникшую в результате теракта, довели до абсурда журналисты. В статьях было все: металлодетекторы и саперы с собаками, иски бывших заложников и их родственников, а вот о возобновленной версии замечательного спектакля не было опубликовано ни слова. “Про спектакль забыли!” — с печальной улыбкой говорит Георгий ВАСИЛЬЕВ.

— Вы устроили грандиозную пиаровскую акцию: на один из первых после вынужденного перерыва спектаклей было приглашено 500 (!) представителей СМИ.

— Итогом октябрьской трагедии стали не только невинные жертвы и надломленные судьбы, но и поворот общественных настроений к подавленности и страху. Мы рассуждали так: от того, как сложится судьба “Норд-Оста”, будет зависеть отношение наших сограждан к стране и к самим себе. Наша решимость восстановить спектакль была продиктована убеждением, что не только на сцене, но и в жизни добро должно быть сильнее зла. Мы понимали, что судьба проекта подвергается серьезному риску, но надеялись развеять опасения людей. И верили — журналисты окажут нам помощь.

Получилось не так, как ожидали. На премьере восстановленного мюзикла весь партер был занят журналистами, и им ничего не оставалось, как в качестве публики снимать друг друга. Но, когда на следующий день я стал знакомиться с прессой, не поверил своим глазам, а включив телевизор, еще и ушам. Везде — фото и видеокдры с проходящими через металлодетекторы зрителями, а про то, что мюзикл идет в новой версии, ни слова. Или, например, такой красноречивый эпизод: репортер спрашивает у бывшей заложницы, только что посмотревшей обновленный “Норд-Ост”, что она чувствует. Та с просветленным лицом отвечает: “Это так прекрасно, я так счастлива, что побывала здесь!” Озадаченный журналист комментирует: “Очень странно, какой-то здесь психологический казус, посттравматический синдром!”

— А вы после всего случившегося чего ждали — театральных рецензий?

— Да, представьте себе. Понимаю, что непростительно наивен, но вы сами сказали — “после случившегося”. О захвате театрального центра было достаточно сказано и написано, и мы вправе были надеяться, что теперь, спустя время, журналисты придут порадоваться вместе с нами возрождению спектакля. О том, что спектакль жив и даже изменился в лучшую сторону, говорили многие зрители, видевшие его и прежде. Отмечали, что постановка стала динамичнее, зрелищнее и выиграла от нового звука, новых аранжировок, новых костюмов. А в печати вместо этого — разговор молчания! Мы получили удар под дых! “Норд-Ост” стал заложником нашей жизни, но, может быть, в первую очередь — отношения к ней.

— Стремление сделать из “Норд-Оста” символ борьбы с терроризмом — из той же оперы?

— Не надо делать из живого спектакля символ, не надо излишне политизировать произведение театрального искусства. Хотя мы понимаем, что смотрят наш спектакль вне контекста произошедшего невозможно, именно поэтому теперь на наших афишах начертана более емкая формула — “История страны. История любви”.

(Окончание на 13-й стр.)

“Норд-Ост” стал заложником нашей жизни

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— А вы не казните себя за то, что патриотизм стал “фишкой” спектакля? Не из-за этого ли ваш проект оказался мишенью для террористов?

— Идея патриотизма не привнесена извне. Роман Вениамина Каверина действительно патристическое произведение. Да и как могло быть иначе, если это повествование о героических людях, которые борются за свои идеи и любовь, и все это на фоне роковых событий в истории нашей страны — революции, нэпа, войны, блокады?! Удачный выбор сюжета — это семьдесят пять процентов успеха мюзикла, и я убежден, что наш выбор был правильным. А то, что случилось, обусловлено несколькими факторами. Например, тем, что мюзиклы были самой модной темой и главной новинкой культурной жизни Москвы предшествующего тем событиям года. Ну и, конечно, я не считаю случайностью, что спектакль прервали именно в тот момент, когда по сюжету на сцене танцуют военные — летчики. Может быть, это не являлось стратегическим условием захвата, но уж, согласитесь, — слишком странное совпадение. Обо всех же причинах, по которым страшный жребий выпал именно нам, мы можем только строить догадки. Наверное, о таком говорят — “на роду написано”. Мы же со своей стороны сделали все, чтобы трагическая история “Норд-Оста” имела счастливое продолжение.

— Что вы скажете об исках заложников?

— И вы туда же? А не думаете, что от нашего разговора останутся именно те фрагменты, в которых мы говорим про захват да про иски, а про спектакль не будет ни слова?

— Я сделаю все, чтобы этого не произошло.

— Ну что я могу сказать, люди имеют на это гражданское право. Их требование можно понять, но сам я иск возбуждать не буду. В конце концов, я обеспеченный по нашим меркам человек и в состоянии позаботиться о себе и своей семье.

— А вы в курсе расследования?

— Не имею ни малейшего желания! Меня не так давно вызывали в прокуратуру, я отвечал на какие-то дежурные вопросы. Но, как я понял, в прокуратуре уже сложилось некое мнение, а мои выводы в схему не укладывались. Должен сказать, мне совершенно не интересно, как идет следствие, это дело специалистов, компетентных органов. Пусть они докапываются до истины.

— Если бы не октябрьские события, как скоро вы окупили бы затраты на свой грандиозный проект?

— Через два года показа это было

бы вполне реально, а к октябрю мы играли “Норд-Ост” ежедневно уже больше года.

— Ваша идея вывозить спектакль на гастроли — миссионерская задача или проект, обещающий прибыли?

— Скорее, первое. Мы хотим показать “Норд-Ост” России и странам ближнего и дальнего зарубежья. У нас будет два варианта — концертный, более легкий на подъем, дающий общее представление о спектакле, и театральный, возможный в рамках длительных гастролей в той или иной географической точке.

— В театральном варианте будет самолет?

— Самолет — это как раз не самое трудное. Сложнее обеспечить на местах достойный звук, и уж совсем проблематично перевозить гигантские “льды” для финала спектакля.

— Вы действительно планируете на одиннадцатое сентября гастроли в Америке?

— Пока ничего конкретного говорить не стану. Мы были бы рады показать наш мюзикл на Бродвее, но вовсе не обязательно сопрягать его с этой трагической датой. Повторюсь, что хотелось бы абстрагироваться от вездесущего терроризма. Речь идет о явлении в культурной жизни России, и пусть “Норд-Ост” интересует западных продюсеров именно как произведение искусства.

— А вам не предлагали продать права на постановку мюзикла на Западе?

— Предлагали, причем задолго до октябрьской трагедии. Переговоры ведутся и сейчас, но я пока не склонен рассуждать на эту тему.

— Какой совет вы дали бы неприемлемому, решившему заняться постановкой мюзикла?

— Осуществлять постановку мюзикла можно, если есть удачный сюжет, если есть талантливая музыка, если продуманы спецэффекты, если есть адекватная площадка и зрительный зал, если есть грамотный бизнес-план, если есть актеры, способные все это сыграть...

— Так много “если”...

— Такой жанр. Тем более, если вы претендуете на ежедневный показ.

— Ибо, что, принцип ежедневных шоу вас и подкосил. Не так ли?

— Давайте разберемся, что же нас все-таки подкосило. Продюсерская компания “Линк” организовала лучшую в стране систему распространения билетов, управление проектом осуществлялось на западном уровне, маркетинговые прогнозы оправдывались. Мы не могли предвидеть только одного — нападения террористов. Конечно, все случившееся сильно испортило нам дело. Я не имею в виду фактор страха,

Сцена из спектакля

думаю, время лечит все. Кроме того, свое дело делали милиционеры, металлодетекторы, саперы с собаками: “Норд-Ост” после возобновления был, наверное, самым безопасным местом в Москве. Перед первым после вынужденного перерыва спектаклем священнослужители трех конфессий отслужили в помещении театрального центра молебны, здание было освящено представителем Православной Церкви. Но вот главная наша проблема состояла в том, что был прерван процесс ежедневного показа, на который мы работали всей командой. Снова встать на рельсы и ехать в гору, а не наоборот, было практически невозможно. До возобновления спектакля я консультировался с западными специалистами, и их прогнозы были далеки от оптимизма. Да и полученные в декабре 2002 года результаты социологического опроса группы КОМКОН свидетельствовали, что из тех потенциальных зрителей, кто собирался посмотреть наш мюзикл до октябрьских событий, больше половины отказались от своих намерений из-за теракта. В этой ситуации социологи только подливали масло в огонь, а ведь можно было свести на нет эту тенденцию и не уподоблять наш проект понятию “горячая точка”.

— Какой срок сценической жизни давали “Норд-Осту”?

— При запуске мюзикла осенью 2001 года мы рассчитывали не менее чем на три театральных сезона (три зимы и два лета). Но в результате трагедии в Театральном центре на Дубровке потеряли два сезона из трех запланированных. После второй премьеры реализация билетов так и не достигла того уровня, какой мы имели осенью. В марте через кассы продавалось вдвое меньше

билетов, чем в октябре. Тем не менее зал по-прежнему наполнялся. Определенным выходом в этот период стали целевые спектакли. Но уже в апреле прокат “Норд-Оста” стал полностью убыточным. Если в 2002 году спектакль продолжал идти ежедневно даже летом, то после теракта подобное стало совершенно невозможным. “Норд-Ост” закрывается в Москве, так и не окупив первоначальных вложений в создание постановки, строительство декораций и оборудование театра.

— Как вы оценили выдвижение “Норд-Оста” на “Золотую Маску”?

— С моим соавтором и другом Алексеем Иващенко, как и со всей командой, мы надеялись на лучшее и верили в чудо. “Норд-Ост” был выдвинут по пяти номинациям и получил в итоге две премии: “Лучший музыкальный спектакль” и за “Лучшее исполнение мужской роли в произведениях музыкального жанра” (так было оценено мастерство Юрия Мазихина). Уверен, что будут и те, кто поспешит увидеть в этом политический подтекст. Обидно, что спектакль номинировался уже после случившихся событий. Была даже мысль отказаться от участия в конкурсе, но это было бы несправедливо по отношению ко всему нашему коллективу.

10 мая состоится последний показ мюзикла в Москве, это будет 410-й спектакль. Свыше 400 представлений всего за 15 месяцев существования театрального проекта — такого еще никому в нашей стране не удавалось. А у “Норд-Оста” впереди интересная гастрольная жизнь.

Беседу вело
Лилит ГУЛАКЯН
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ